

Т. Б. Смирнова, Т. С. Киссер
**ЭТНИЧНОСТЬ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ФОТОГРАФИЯХ:
ВИДИМЫЕ ОБРАЗЫ И СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ***

doi: 10.30759/1728-9718-2020-3(68)-45-54

УДК 39(470.5+571)

ББК 63.5(235.55+253)

В статье рассматривается роль фотографии в сохранении и актуализации этничности российских немцев. Источниками послужили фотографии, собранные и сделанные в экспедициях к немцам Сибири и Урала. В ходе экспедиционных исследований стало понятно, что фотографии содержат большой объем информации, связанной буквально со всеми аспектами материальной и духовной жизни российских немцев. Этничность российских немцев на протяжении всего XX в. претерпевала различные трансформации (от обнуления и искоренения до возрождения и открытости). Эти изменения коснулись и форматов обозначения этничности. Ключевым способом позиционирования этничности немцев и возможностью ее сохранения — взамен реального проявления — стала визуальность. Очевидно, что без этнографических фотографий было бы невозможно воспроизвести немецкий народный костюм, потому что он очень рано принял городские формы. Было бы сложно дать описание хозяйству, материальной культуре, интерьеру. Без фотографии невозможным было бы создание виртуального музея, невозможной была бы реконструкция обрядности. Нередки случаи, когда традиционная культура была искусственно скрыта, однако фотоснимки обнаруживали уникальные обряды. Семейные фотоальбомы стали «местами памяти» и способом сохранения этноистории народа и обретения идентичности. Для самих немцев фотография — это часть их идентичности, выраженная в визуальном формате.

Ключевые слова: *российские немцы, этнофото, обрядовые фотографии, визуализация этничности*

В условиях глобализации и информационной революции этничность не сходит со сцены, а меняет свои формы и проявления. Распространение фотографии и кинематографа придало новый мощный импульс визуализации этничности. Сегодня доступность технических средств для создания визуальных произведений необычайно возросла, а сам процесс записи и организации звуковой и изобразительной информации стал обыденным. В наши дни визуальность знаменует своего рода прозрение науки, обретение нового средства коммуникации — языка изображения, доведенного фотографией, кинематографом и телевидением до всеохватности и всеупотребимости. Визуальная культура стала значимой частью общекультурного фонда, формируя в человеке

новую матрицу мировосприятия, от экранной грамоты (навыков чтения экрана) до стилизации под экран (подражания кино- и телегероям в мимике, словесных оборотах, увлечениях, нарядах, интерьере).¹

Среди разнообразных форм визуальной антропологии нам интересна фотография, особенно историческая/антропологическая/этнографическая, как способ отражения памяти этнического сообщества. История фотографии начинается с середины XIX в., ее осмыслению посвящены сотни научных работ. Мы не ставим перед собой цель обзора всей литературы, посвященной этой теме, а хотели бы сконцентрировать внимание на тех позициях, которые полезны и актуальны для нашего исследования. В гуманитарных и социальных науках теоретическому пониманию значения фотографии посвящены работы Р. Барта, П. Бурдьё, О. Ю. Бойцовой, В. Л. Круткина, И. В. Нарского, Е. Б. Толмачевой, Н. М. Богдановой и др.²

Смирнова Татьяна Борисовна — д.и.н., профессор, проректор по учебной работе, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (г. Омск)
E-mail: smirnovatb@omsu.ru

Киссер Татьяна Сергеевна — к.и.н., м.н.с., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
E-mail: tkisser@bk.ru

* Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 19-18-00116 «Визуализация этничности: российские практики науки, музея, кино» (рук. А. В. Головнёв)

¹ См.: Головнёв А. В. Визуализация этничности: музейные проекции // Урал. ист. вестн. 2019. № 4 (65). С. 73.

² См.: Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. М., 1997; Bourdieu P. Photography: A Middle-brow Art. Oxford, 1998; Бойцова О. Ю. Любительские фото: визуальная культура повседневности. СПб., 2013; Круткин В. Л. Антропологический смысл фотографий семейного альбома // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 1. С. 171–178; Нарский И. В. Фотокарточка на память: семейные истории,

Фотография «представляет собой визуальный язык сообщения человека о себе окружающим и способом материального удержания, запоминания своего состояния здесь и сейчас, своего рода “местом памяти”, но в то же время имплицитно содержит в себе заложенные в процессе съемки отличительные черты, ценности, нормы и образцы поведения соответствующего социокультурного периода».³

На наш взгляд, семейные фотографии и альбомы являются важным средством самоидентификации, обретения персонального «я». Подобную позицию разделяют многие ученые. Например, П. Бурдьё считал, что «семейный альбом выражает сущность социальной памяти, но его задача не “исследование утраченного времени”».⁴ Семейные фотографии с комментариями выступают опорой в ритуальной интеграции, в ходе которой новичку позволяют пережить свою идентичность. Фотографии пробуждают прошлое.⁵ Е. В. Петровская определяет коллекцию семейных фотографий как «семейный капитал, важнейший источник для биографии — “письма жизни”. Биографии пишутся по законам фотографии — “письма света”».⁶ Роль фотографии в конструировании памяти отмечает С. А. Лишаев: «домашняя фотография, фотоальбом и фото-архив — это технологические “места памяти”». Рост фотоархивов отвечает стремлению людей знать свое прошлое.⁷

Одну из методологических основ нашего исследования образует визуальная антропология как средство познания (в частности с использованием метода включенного наблюдения, визуальной фиксации и пр.). Особое место в сборе фотоданных, их интерпретации и презентации отводится визуальным технологиям — документальной антропологической

фотографии и этнокино. Визуальную антропологию обычно связывают с технической возможностью (фото, кино, видео) зафиксировать внешность, одежду, обряды, ритуалы изучаемой культуры. В данной статье визуальные методы используются для систематизации и интерпретации визуальности в соотношении с этничностью в личностном и социальном измерениях, благодаря чему достигается эффект «дизайна этничности». В основе исследования лежит позиция Г. Беме: фотография как копия реальности и, возможно, как средство коммуникации. С этой точки зрения изображение, особенно фотография, используется на основе постулата, что изображение переносит на себя физические характеристики копируемых объектов, а также их взаиморасположение относительно друг друга. Качество фотографии определяется по ее отношению к оригиналу, включая ситуации действия и взаимодействия, или же просто «сцену» состояния и условий действия.⁸ При работе применялся метод фотовыявления Д. Харпера. Он основан на простой идее включения фотографии или другого изображения в исследовательское интервью (при расспросе информантов о свадебных играх с петухом и курицей и т. п.).⁹

Источниками для написания данной статьи послужили фотографии, собранные и сделанные в экспедициях, которые проходили в сельских районах Алтайского края, Омской, Новосибирской областей — там, где немцы проживали компактно, — и в городах Свердловской, Челябинской областей, Пермского края и Республики Коми в 1990-е — 2017 гг. Использовались фотографии, хранящиеся в архивах и музеях, а также размещенные в социальных сетях.

В фокусе нашего исследования находятся российские немцы. Наблюдая за ними в экспедициях, мы заметили, что это сообщество трепетно относится к семейным фотографиям. В каждой немецкой семье хранятся старые альбомы и новые фотографии в папках на компьютере. Нередко в ходе беседы об истории семьи (или на другую тему) они достают старые и недавние фотографии и начинают рассказывать, кто кому и кем приходится, кто на ком женился, в каком лагере были дедушки и бабушки в трудармии, с какими сложностями

фотографические послания и советское детство (автобио-историко-графический роман). Челябинск, 2008; Толмачева Е. Б. Методология изучения фотографии с этнографическим содержанием // Фотография. Изображение. Документ. 2010. Вып. 1 (1). С. 38–42; Богданова Н. М. Фотография как инструмент социологического анализа и практик конструирования визуальной самопрезентации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 2. С. 98–113; Юргенева А. Л. Этнографическая фотография XIX века и ее современные модификации // Художественная культура. 2018. № 3 (25). С. 136–167.

³ Богданова Н. М. Указ соч. С. 112.

⁴ Bourdieu P. Op. cit. P. 124.

⁵ См.: Круткин В. Л. Пьер Бурдьё: фотография как средство и индекс социальной интеграции // Вестн. Удмурт. ун-та. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2006. № 3. С. 46.

⁶ Петровская Е. В. Фото(био)графия: к постановке проблемы // Авто-био-графия. К вопросу о методе. Тетради по аналитической антропологии. М., 2001. № 1. С. 304.

⁷ См.: Лишаев С. А. Помнить фотографией. СПб., 2019. С. 23.

⁸ См.: Брекнер Р. Изображенное тело. Методика анализа фотографии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2007. Т. 3, № 4. С. 17.

⁹ См.: Харпер Д. Фотовыявление: истоки, развитие, темы и формы // Социологический журнал. 2013. № 2. С. 16–42.

встречались, когда переезжали, когда искали и собирали своих родных.

Этнофото и историческая память

Первые фотографии российских немцев появились во времена существования Автономной советской социалистической республики немцев Поволжья (АССР НП), хотя в семейных альбомах есть снимки и более раннего времени. Личных фотоархивов времен республики сохранилось мало, зато некоторые коллекции, сделанные в АССР НП, хранятся в Российском государственном архиве кинофотодокументов, Государственном историческом архиве немцев Поволжья, в музеях городов Саратова, Маркса, Энгельса, Камышина. Большая их часть (135 фото) опубликована в альбоме к 100-летию автономии на Волге (самые ранние фотографии датируются 1903–1917 гг. и иллюстрируют жизнь немецких колоний на Волге до революции: панорамные изображения видов немецких колоний, дворов или семейные снимки).¹⁰ О жизни республики и первых годах ее существования можно судить по фотографиям первого правительства АССР НП или манифестаций в крупных городах.

В фондах архивов и музеев представлены фотографии времен голода в Поволжье 1921–1922 гг. и 1932–1933 гг. Во время первого голода, по приблизительным подсчетам, умерло свыше 100 тыс. человек — почти четверть немецкого населения области. Все эти события нашли отражение в фотографиях. На снимках изображены голодающие, изможденные, больные дети и подростки, а также процесс раздачи гуманитарной помощи от международных организаций.

Если фотографии голода 1920-х гг. показывают реальную картину, которая сложилась в Поволжье и немецкой республике, то фото, сделанные в период голода 1932–1933 гг., демонстрируют противоположную картину. Например, в 1933 г. в Энгельсе, несмотря на голод, проходила выставка достижений народного хозяйства, на ней были представлены результаты, достигнутые в сельском хозяйстве, животноводстве, огородничестве, сыроварении и многом другом. Фотографии с выставки хранятся в архиве немцев Поволжья.¹¹ Это были официальные снимки, сделанные представите-

лями местных газет и органов самоуправления, имевшими установку показать достижения социализма, то, как немцы трудятся на благо страны, а не реальную жизнь голодающих людей. Серии официальных фотографий на протяжении первой половины XX в. были посвящены также и другим достижениям социализма, в том числе в культуре и образовании.

История российских немцев во второй половине XX в. связана с постоянными переселениями (депортацией, мобилизацией, эмиграцией) и ограничениями (репрессиями, трудармией, спецпоселением).

Во время депортации в 1941 г. немцам удалось вывезти с собой немного личных вещей и в этот перечень редко попадали семейные фотографии. Поэтому те снимки, которые сохранились до сегодняшнего дня, являются уникальными. В 2014 г. в ходе этнографических экспедиций к немцам Урала удалось обнаружить редкую коллекцию довоенных фотографий семей Классен, Гардер и Вибе. Эти кадры случайно сохранились в семейном альбоме Веры Гардер из Кушвы (Свердловская область), благодаря им ей удалось восстановить историю своей семьи. Снимки были сделаны в период 1920–1930-х гг. в Республике немцев Поволжья. Как правило, это были коллективные снимки, на которых изображены члены семьи. Их уникальность состоит не только в том, что благодаря им можно восстановить образ немцев в период республики, но и в истории хранения самих фото. Они были вывезены семьей Гардер во время депортации в Казахстан. Фотографии были спрятаны в единственную книгу, которую удалось взять с собой. Эта была Библия на немецком языке, на которую была надета обложка «Сказки А. С. Пушкина». На Урале эти фото оказались уже в 1950-е гг., когда семья воссоединилась после трудармии:

«Мою семью депортировали с Волги в 1941 г., у мамы было несколько сестер, всех их разбросали в разные города, а потом они потерялись. Мама рассказывала, что в ее семье очень любили фотографироваться, снимали по поводу (в праздники) и без повода. Большинство фотографий никому из семьи мамы не удалось вывезти, но некоторые снимки сохранились. Благодаря им я знаю и храню свое прошлое».¹²

Период трудармии в истории российских немцев сохранился в фотографиях меньше

¹⁰ См.: Немецкое Поволжье: неоконченная фотолетопись = Das Deutsche Wolgagebiet. Eine unvollendete Fotogesichte: фотоальбом. М., 2018.

¹¹ ГИАНП. Ф. П-1.

¹² ПМА. Свердловская обл., Кушва, 2014.

всего. Есть официальные снимки, на которых запечатлены виды лагерей, бараки, больницы, но людей на них практически нет (кроме фотографий из личных дел). Есть несколько исключений, например, снимок трудармейцев Урала в семье Эммы Блейхер. Он был сделан в 1942 г. в Тавдинлаге. На фото изображены четыре трудармейца в спецодежде на фоне фотообоев, на которых написано «Привет с Урала». Отец Эммы Блейхер Вольдемар стоит во втором ряду справа. Историю этой фотографии нам рассказала сама Эмма Блейхер, которая отметила, что данный снимок — самый ценный в их семейном альбоме:

«Мой отец прошел всю трудармию. Однажды я рассматривала альбом и увидела эту фотографию. Отец рассказал мне о том, как он работал на лесозаготовках, в каких сложных условиях он жил, и о том, откуда эта фотография. Оказывается, что в первые месяцы в лагере за хорошую работу можно было сделать фотоснимок и отправить его родным. Отец сделал фотографию с мужчинами, которые были депортированы из той же колонии Бальцер. Эти мужчины не дожили до конца войны, но мой отец разыскал их семьи и передал им копию фотографии на память. Оказалось, что в одной семье не знали, в каком лагере и где находился их родственник. Сейчас, когда отца давно нет, мы показываем своим детям эту фотографию и рассказываем о подвиге деда».¹³

После войны и снятия режима трудармии немцы стали закрытыми в вопросах позиционирования своей этничности: они скрывали свое происхождение, отказывались от родного языка, немецких имен, религии, традиций и обычаев. Чуть ли не единственным основанием этничности оставалась историческая память. Если довоенная история из-за депортации оставалась только в памяти и не сохранилась в фотографиях, то в послевоенный период немцы стали заполнять эту лакуну. Нами был проведен контент-анализ семейных фотографий немцев Урала. Были отобраны 25 семей немцев. Все эти семьи оказались на Урале в результате трудовой мобилизации их самих (8 семей) или их родных (17 семей). Для анализа были отобраны семейные альбомы за период с 1940-х по 1990-е гг. Выбор этих дат объясняется тем, что в 1940-е гг. немцы прибыли на Урал, а в 1990-е гг. произошла реабилитация репрессированных народов. Мы предлагали

каждой семье отобрать не более 50 наиболее ценных фотографий в их альбоме. В ходе обработки результатов мы разделили фотографии на группы по времени создания.

По времени создания фотографии были разделены на три периода. Первый период — это время трудармии и спецпоселения (1940–1950-е гг.), тогда фотографировались немного. Это связано с тем, что средств для этого у немцев не было, в трудармии не было никаких технических возможностей, а во время спецпоселения они только начинали устраивать нормальную жизнь. Однако после снятия режима спецпоселения в 1955 г. начинается стремительное заполнение фотолакун, немцы снимают семейные события и организуют портретные съемки, фиксируют наиболее важные события в жизни (праздники, обряды). Второй период — это 1960–1980-е гг., время оживления и подъема этнического самосознания, в эти годы было сделано около 60 % анализируемых снимков. Основная тематика фотографий в это время — праздники и обряды. Немцы продолжали скрывать свою этничность, однако на снимках все больше проявляется «немецкость», что заметно на обрядовых (свадьба, похороны) и праздничных (Новый год, Рождество, Пасха) фотографиях. Третий период — это 1990-е гг., он характеризуется реабилитацией и эмиграцией российских немцев. В это время становится все меньше и меньше семейных фотографий, так как в период эмиграции многие семьи распались, многие члены семьи уезжали в Германию.

Обрядность в фотографиях

Ценность фотографий, на которых запечатлены обряды, заключается в их наглядности (лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать) и информативности (специалист, обладающий знаниями, отметит на фотографии то, на что не обращают внимание местные информанты). Эти явные образы и скрывающиеся за ними смыслы наглядно проявляются, например, в свадебных фотографиях, которые в значительном количестве хранятся в семейных архивах.

На многих из этих фотографий обращает на себя внимание украшенный цветами и лентами жезл, который является обязательным атрибутом немецкой свадьбы. Жезл (*Freierstock*, *Perstock*), украшенный цветами, появляется в руках распорядителя свадьбы (*Hochzeitsbitter*, *Hochzeitsvater*, *Brautdiener*, *Hochzeitslader*)

¹³ ПМА. Свердловская обл., Кушва, 2014.

примерно за неделю до торжества, когда этот распорядитель, «хозяин» свадьбы, ходит по деревне и приглашает гостей. Каждый, кого приглашали на свадьбу, должен был повязать цветную ленту на жезл. По количеству лент считали приглашенных гостей.¹⁴ Жезл с завязанными на нем лентами несли впереди свадебной процессии, с ним танцевали.

Одной из свадебных фотографий, заставившей провести целое расследование изобретенных на ней событий, была фотография сцены ритуального бритья. Фотография была сделана в с. Ананьевка Кулундинского района Алтайского края в 1970-е гг. (сбор 1997 г.). На ней невеста бреет отца жениха. Информанты рассказали, что у немцев принято на второй день свадьбы устраивать, в отличие от русских, не «баню», а «парикмахерскую». «Парикмахерская» в структуре свадебного обряда была зафиксирована в д. Екатериновке Кулундинского района Алтайского края, Квасовке, Замелетеновке, д. Матюшино Любинского района Омской области и в некоторых других немецких деревнях. «Парикмахерская» заключалась в том, что тестя или жениха, а иногда и того и другого, привязывали к стулу, а невеста его брила большой опасной бритвой. Поиски аналогов в этнографической литературе позволяют говорить о том, что ритуальное бритье, очевидно, имеет архаическое происхождение. В древности такое бритье символизировало переход мужчины в другой социальный статус. Тогда брили только жениха, причем делали это накануне свадьбы. По некоторым сведениям, бритье на свадьбе было первым в жизни мужчины. Тех же, у которого борода еще не росла, брили символически. Под подбородком молодого держали платок или полотенце, чтобы не растерять сбритые волосы, так как верили, что с их помощью можно околдовать жениха.¹⁵ В настоящее время переходный смысл этого ритуала уже утрачен, он превратился в своеобразную демонстрацию того, как молодая жена будет ухаживать за мужем и тестем — так объясняют этот обычай информанты.

Второй день свадьбы наполнен множеством архаичных ритуалов и обрядов, многие из них запечатлены на фотографиях. Так, в группе волынских немцев (с. Литковка Омской области) сохранился обычай, когда «хозяин»

свадьбы приглашает гостей, сидя верхом на коне. Для этого случая имелся специально выученный конь, который умел наклоняться и заходить в дом. Его грива была украшена цветами и лентами, на шее висели колокольчики. В Литковке существует также обычай вождения по селу козла на второй день свадьбы: украшенный венками и цветами козел шествует во главе процессии ряженных. В этом сюжете на поверхности лежит культ Диониса.

Символическую роль во время свадьбы играют петух и курица. Их дарят молодоженам, накануне свадьбы молодые люди воруют кур, а девушки варят из них куриную лапшу (*Nudelsupp*), последний день свадьбы носит название «свадебного хвоста» (*Hochzeitschwanz*), считается, что свадьба заканчивается, когда гости доедят последний куриный хвост. В архивах экспедиций есть фото, на котором мужчины пытаются напоить петуха водкой. У лютеран принято «спаивать» курицу или петуха, то есть поить их вином или водкой, а потом потешаться над тем, как они «выплясывают» под музыку. Заметим, что вряд ли мы начали бы расспрашивать информантов о свадебных играх с петухом и курицей, если бы случайно не увидели эту фотографию.

Большое количество собранных и сделанных в экспедициях фотографий посвящено так называемой «второй свадьбе» (*zweite Hochzeit*). Вторая свадьба — это представление, сценарий которого повторяет настоящую свадьбу, но в шуточном, как бы перевернутом виде: парня наряжают невестой, а маленькую хрупкую девушку — женихом. Все одеваются в старые вещи, как можно нелепее, подчеркивая половые признаки. На голове у «второй невесты» (*zweite Braut*) свадебный венок из прутьев, сорной травы или соломы. На ногах вместо свадебных туфель — огромные старые рваные башмаки или калоши. Лица ряженных закрыты тюлем, марлей или чулками. В основе «второй свадьбы» лежит практика травестизма.¹⁶

Без фотографий было бы сложно реконструировать обрядовую одежду российских немцев. Например, начиная с 1940-х гг., когда любительская фотография становится массовым явлением, платье невесты было светлое или белое, длиной ниже колена и было сшито по моде того времени. Но более ранние фотографии, относящиеся к началу XX в., изображают

¹⁴ См.: Смирнова Т. Б. Этнография российских немцев. М., 2016. С. 220.

¹⁵ См.: Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1988. С. 148.

¹⁶ См.: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 190.

невест в темных длинных платьях, корсетах и фартуках, с яркой вышивкой.¹⁷ Неизменными у немецких невест остаются высокие головные уборы в виде короны или венка.

Из свадебной толпы выделялись своей одеждой и дружки (*Brautbursch*) и подружки (*Brautmadchen*) невесты. На фотографиях видно, что друзей и подружек у жениха с невестой не двое, а больше. В ходе расспросов и уточнений выяснилось, что раньше было принято выставлять с каждой стороны по несколько «свидетелей» — по двое, четверо или даже шестеро, лишь бы их количество было четным.

После ритуала снятия венка с невесты ей на голову повязывали платок. Наиболее распространен был обычай повязывать платок белого цвета или хотя бы светлый. В архивах экспедиций есть фотография, запечатлевшая момент снятия венка в с. Хортицы Нижнеомского района Омской области, сделанная в 1980-е гг. Есть несколько фотографий, сделанных после этого ритуала, на которых невесты уже без венков, в платках.

Фотографии зафиксировали особую символическую роль венков в немецкой обрядности, причем не только в свадебной, но и в похоронной. При изучении фотографий похорон обращает на себя внимание большое количество умерших молодых девушек и девочек в свадебной одежде, в том числе в свадебных венках. В германских землях этот обычай хоронить не состоявших в браке молодых людей так, как хоронят женихов и невест, устраивать покойникам «свадьбу», носивший название *Totenhochzeit* («свадьбы покойников»), бытовал с древних времен и до конца XIX в. В России этот обычай сохранился дольше: Евгений Кагаров описал его по фотографии, сделанной в Поволжье в 1920-е гг.¹⁸ У немцев, живущих в Сибири, этот обычай сохранился вплоть до 2000-х гг. Особенностью «свадьбы покойников» у немцев Сибири является отсутствие возрастных границ, «венчали» покойников любого возраста, от младенцев до пожилых людей. В архиве экспедиций есть фотография, на которой хоронят старую женщину, хоронят в венке, потому что она никогда не была замужем. Также есть фото, где в веночках хоронят совсем маленьких девочек, которым от роду

месяц. Главным критерием для совершения обряда «венчания» считалась девственность покойных.

На фотографиях запечатлены не только семейные, но и календарные обряды, например рождественские, хотя их значительно меньше. Есть несколько редких, фактически уникальных кадров, изображающих рождественских ряженных персонажей. Эти фотографии были собраны у немцев Урала в г. Кушве. На Рождество был широко распространен обычай обмениваться подарками. Во многих деревнях было принято, чтобы подарки детям дарили ряженные, сказочные рождественские персонажи. Главные персонажи рождественского ряжения — Крискинд (*Christkind*) и Пельцникель (*Pelznickel*). Крискинд — это девочка или девушка в белой одежде, лицо которой закрыто вуалью. Пельцникель одет в вывернутую наизнанку шубу, обвешан цепями и другими металлическими предметами. Его лицо измазано сажей, или скрыто под черной маской, или раскрашено до неузнаваемости. Кроме Пельцникеля в этой процессии могли участвовать и другие герои в масках: Кнехт Рупрехт, Люцер, Полтерклаус. В некоторых деревнях процессии ряженных были довольно многочисленны: мужчины надевали женские юбки, платки, лицо мазали сажей. Женщины надевали вывернутые полушубки, вывернутые шляпы, рваные штаны. Ночные гулянья и хождение ряженных были характерны в основном для тех деревень, где жили лютеране и католики.

Таким образом, собранные в экспедициях фотографии позволили сделать вывод о том, что у российских немцев в течение длительного времени сохраняются архаичные элементы культуры, исчезнувшие в метрополии под влиянием процессов унификации и модернизации. Их «консервации» способствуют изоляция от основного ядра культуры, невозможность обновления, воспроизводство, исходящее только из внутренних ресурсов и значительная культурная дистанция между немцами и окружающим населением, в основном языковая и религиозная. Фотографии, сделанные во время совершения обрядов, позволяют выявить архаику, которая информантами не осознается — они совершают обряды «по традиции» и «так, как это делали всегда». Вряд ли всем этим архаичным обычаям, еще встречающимся в настоящее время, суждена долгая жизнь, так как условия их воспроизводства изменились очень сильно, тем не менее

¹⁷ См.: Арндт Е. А. Национальный костюм немцев Поволжья (конец XVIII — начало XX вв.): пособ. с метод. реком. Пермь, 2000.

¹⁸ См.: Кагаров Е. Г. Венчание покойников у немцев Поволжья // Советская этнография. 1936. № 1. С. 106–108.

их длительное бытование не подлежит сомнению и составляет одну из характерных черт этнической культуры российских немцев.

Современная фотопрезентация в сети

С развитием современных технологий функцию визуализации этничности стали выполнять фотографии и цифровой контент, который позволяет создавать цифровые ресурсы этнокультурного наследия. Виртуальный фотобум, в том числе в формате «селфи», открывает новые возможности изучения визуальных практик как презентации и трансляции идентичности. Визуальность, которая издавна была инструментом самовыражения и познания этнических сообществ, приобретает в киберпространстве новые значения и предстает в новых ракурсах. У этнографии с «ее природной визуальностью есть шанс всерьез обогатить и освежить свои возможности за счет новых средств (методов) записи и интерпретации действительности».¹⁹ В этой атмосфере обрело крайнюю популярность «селфи (*selfie*, рус. селфшк) — способ фото-самозапечатлания с вытянутой руки или с помощью селфи-палки, на которую крепится мобильный телефон (селфи-палка — самый ходовой товар в местах скопления туристов). Цифровые технологии обеспечивают не только съемку, но и ее выкладку в кибер-сетях».²⁰

Российские немцы, проживающие в разных странах, используют интернет как способ консолидации и позиционирования своего сообщества. Они тоже не остались в стороне от селфи-тренда и виртуального фотобума. Это можно наблюдать в популярных социальных сетях Instagram и «ВКонтакте». Для того чтобы представить фотопрезентацию немцев в интернете, достаточно набрать хештег #российскиенемцы или #russlanddeutsche. В основном пользователи для самоидентификации используют именно хештеги, приведенные выше слова наиболее часто используются при упоминании.

Наибольшей популярностью пользуется Instagram, в нем 3 083 раза упоминается хештег #российскиенемцы и 12 382 раза — #russlanddeutsche. Instagram — международная социальная сеть, ориентированная на фото-

контент, все публикации в ней — визуальные (фото, видео), здесь минимум текста и максимум изображения. Если обратиться к тематическому содержанию иллюстраций, которые представлены в Instagram, то их можно разделить на несколько групп: 1) фото и селфи в национальном костюме; 2) фото с мероприятий центров культуры и центров встреч; 3) фото из Германии; 4) фото предметов материального наследия; 5) старые фотографии.

Первая группа фотографий самая популярная, особенно среди молодежи. Несмотря на то что народный костюм был утрачен, молодые немцы шьют их себе по имеющимся выкройкам и описаниям. Есть и те, кто приобретает немецкий костюм в Германии, хотя он имеет небольшие различия с костюмом российских немцев. С одной стороны, немцы прикасаются к своей культуре, с другой, приобретают важный атрибут для самопрезентации в реальности и виртуальности:

«Мой немецкий костюм был куплен в Германии в земле Гессен, откуда приехали мои предки. Я надеваю его на праздники и для фотографий. Когда я надеваю костюм, я сразу чувствую себя немкой. Мне давно хотелось сфотографироваться в немецком платье и конечно разместить эти фотографии в инстаграм. Не все мои друзья знают, что я немка, поэтому я поставила хештег #российскаянемка, чтобы мои подписчики могли распознать кто я и чей костюм на мне одет» (Анна, 21 год, Славгород).

Вторая группа фотографий посвящена мероприятиям, которые проходят в центрах немецкой культуры и центрах встреч в разных регионах страны. Как правило, в каждом центре есть фотограф или фотоаппарат, на который снимают все происходящее. С 1990-х гг. центры хранят фотоальбомы о своей жизни за каждый год. Например, Международный союз немецкой культуры создал мультимедийный архив, в котором публикует ежегодно фотографии о жизни российских немцев за год, такие фотоальбомы доступны с 2003 г.²¹ В автономии немцев Республики Коми создано около 20 фотоальбомов об их жизни:

«Наша автономия хранит все фотографии, которые были сделаны с самого первого дня работы автономии, мы храним фото и в печатном варианте в альбомах, их более 20, и в цифровом

¹⁹ Головнёв А. В. О киноантропологии // Антропологический Форум. 2007. № 7. С. 22.

²⁰ Он же. Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1. С. 6–39; Он же. Антропология путешествия: от Imago mundi до selfie // Урал. ист. вестн. 2016. № 2 (51). С. 14.

²¹ См.: Мультимедийный архив российских немцев. Фото. URL: <https://media.rusdeutsch.ru/foto> (дата обращения: 09.03.2020).

виде. Мы отсканировали все фотографии и передали на хранение в Национальный архив Республики Коми».²²

Такое систематическое отношение к собственному фотонаследию, на наш взгляд, связано с желанием сохранить историю своего сообщества в визуальном формате, избежать ситуации, с которой немцы столкнулись во время войны, когда все их наследие, в том числе фотографии, было утрачено.

Третью группу можно разделить на фотографии путешествий по Германии, поездок к родственникам и на фотографии поздних переселенцев. Особенно активны переселенцы, с помощью виртуального позиционирования они обретают собственное «я». Например, некоторые начинают вести в Instagram фотоблог о жизни в Германии, ведут фотохронику переселения, начиная от прибытия и размещения в лагере и заканчивая бытовой жизнью в Германии (курсы, магазины, больницы и др.). Ярким примером фотоблогера является Виталий Шмидт. На страничке в Instagram, где дана краткая информация о пользователе, указано, что он «русский немец», «лютеранин». Виталий с женой (тоже российской немкой) и тремя детьми переехал в Германию в октябре 2018 г.²³ Еще до отъезда он активно публиковал в своем Instagram фотозаметки об истории и культуре российских немцев, посты религиозного характера (он был проповедником в томской лютеранской общине). Переехав в Германию, Виталий стал вести виртуальный «фото-дневник переселенца» и ежедневно публиковал текстовые и визуальные записи о своих буднях в Германии:

«Я выкладывал истории о своей жизни и до переезда, продолжил и после. Многие поздние переселенцы стесняются это делать, чувствуя какую-то вину за собой, может быть, стараются до последнего не афишировать свой переезд. Я же, напротив, продолжаю делать то, что делал. Многим подписчикам интересны мои посты и истории. Пишут комментарии, спрашивают, консультируются по разным вопросам. Такая форма публикаций, как фотографии и короткие видео, наиболее оперативная и трендовая» (Виталий, 33 года, Германия).

Четвертая группа фотографий связана с публикациями предметов материальной куль-

туры. Эти фотографии, как правило, размещены в виртуальных музеях или на официальных страничках немецких организаций. Пример такого виртуального музея в Instagram размещен на страничке @wiedergeburt.asia «Виртуальный музей истории и культуры немцев Казахстана». Там размещены фотографии предметов культурного наследия немцев Казахстана, которые были собраны в экспедициях. Фото представляют собой изображение крупным планом конкретного предмета, которое сопровождают его название, время и указание на место, где хранится сейчас этот предмет. В России существует свой виртуальный музей российских немцев, который имеет отдельный сайт, одна из основ этого музея — тоже фотографии.²⁴

Старые фотографии также популярны в социальных сетях. Их публикуют с целью вспомнить отдельные страницы в судьбе российских немцев или рассказать о выдающихся людях, которые внесли весомый вклад в историю. Часто такие фото появляются 28 августа, в день памяти российских немцев (в этот день был издан указ о депортации): «Я каждый год публикую на своей страничке фото своего прадедушки, который был депортирован в Казахстан, а потом был на Урале в трудармии. У нас в семье сохранилась лишь одна его фотография, но она самая ценная. Для меня важно рассказывать о подвиге моего предка, в моем Instagramе более 900 подписчиков, даже если один человек прочитает пост и увидит фото моего прадеда, это будет означать, что о его подвиге помнят и знают».²⁵

Этничность российских немцев на протяжении всего XX в. претерпевала различные трансформации (от обнуления и искоренения до возрождения и открытости). Эти изменения коснулись и форматов обозначения этничности. Как показал анализ, важным способом позиционирования этничности немцев и возможностью ее сохранения — взамен реального проявления — стала визуальность. Очевидно, что без этнографических фотографий было бы невозможно воспроизвести немецкий народный костюм, потому что он очень рано принял городские формы. Было бы сложно дать

²² ПМА. Сыктывкар, 2017.

²³ Подробнее см.: Киссер Т. С. Виртуальная идентичность российских немцев // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 79, 80.

²⁴ См.: Виртуальный музей российских немцев. URL: <https://museum.rusdeutsch.ru/> (дата обращения: 06.03.2020).

²⁵ ПМА. Нижний Тагил, 2017.

описание хозяйству, материальной культуре, интерьеру. Без фотографии невозможно было бы создание виртуального музея. И, конечно же, невозможной была бы реконструкция обрядности. Нередко случалось так, что традиционная культура была искусственно скрыта, однако на фотоснимках того времени обнаруживались уникальные обряды. Семейные фотоальбомы стали «местами памяти» и способом сохранения этноистории народа и обретения идентичности.

Можно сказать, что если бы не фотография, то степень изученности немецкой этнографии была бы другой. В ходе экспедиционных исследований стало понятно, что фотографии содержат очень большой объем информации, связанной буквально со всеми аспектами материальной и духовной жизни российских немцев. Для самих немцев фотография — это часть их идентичности, выраженная в визуальном формате, которая еще мало изучена и редко рассматривалась в таком контексте.

Tatyana B. Smirnova

Doctor of Historical Sciences, Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk)

E-mail: smirnovatb@omsu.ru

Tatiana S. Kisser

Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the RAS (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: tkisser@bk.ru

ETHNICITY OF RUSSIAN GERMANS IN PHOTOS:
VISIBLE IMAGES AND HIDDEN MEANINGS

The article discusses the role of photography in maintaining and actualizing the ethnicity of Russian Germans. Sources for the article were photographs collected and taken during expeditions to the Germans of Siberia and the Urals. During expeditionary research, it became clear that photographs contain a large amount of information related to literally all aspects of the material and spiritual life of Russia's Germans. The ethnicity of Russian Germans throughout the 20th century underwent various transformations (from zeroing and eradication to rebirth and openness). These changes also affected the designation of ethnicity. The key way to position the Germans' ethnicity and the possibility of preserving it, instead of its real manifestation, was visual. It is obvious that without ethnographic photographs it would be impossible to reproduce the German folk costume, because it took urban forms very early. It would be difficult to describe the economy, material culture, and interior. Without photography it would be impossible to create a virtual museum and reconstruct ritual. It often happened that traditional culture was artificially hidden, however, unique rituals were found in photographs of that time. Family photo albums have become "memory places" and a way of preserving the people's ethnic history and gaining identity. For the Germans themselves, photography is part of their identity, but in a visual format.

Keywords: *Russian Germans, ethnic photo, ceremonial photographs, visualization of ethnicity*

REFERENCES

- Arndt E. A. *Natsional'nyy kostyum nemtsev Povolzh'ya (konets XVIII — nachalo XX vv.). Posob. s metod. rekomendatsiyami* [National costume of the Volga Germans (late 18th — early 20th centuries). A guide with methodological recommendations]. Perm: Zvezda Publ., 2000. (in Russ.).
- Bart R. *Camera lucida. Kommentariy k fotografii* [Camera Lucida. Reflections on Photography]. Moscow: Ad Marginem Publ., 1997. (in Russ.).
- Bogdanova N. M. [Photography as a tool for sociological analysis of visual practices of self-presentation]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2012, vol. 15, no. 2, pp. 98–113. (in Russ.).
- Bourdieu P. *Photography: A Middle-brow Art*. Oxford: Polity Press, 1998. (in English).
- Boytsova O. Yu. *Lyubitel'skiye foto: vizual'naya kul'tura pousednevnosti* [Amateur photography: visual culture of everyday life]. Saint Petersburg: EUSP Press, 2013. (in Russ.).
- Brak u narodov Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy* [Marriage among the peoples of Central and South-Eastern Europe]. Moscow: Nauka Publ., 1988. (in Russ.).

- Breckner R. [Pictured bodies. A methodical photo analysis]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [INTER: interaction, interview, interpretation], 2007, vol. 3, no. 4, pp. 13–32. (in Russ., in English).
- Golovnev A. V. [About cinema anthropology]. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture], 2007, no. 7, pp. 21–32. (in Russ.).
- Golovnev A. V. [Anthropology of travel: from *Imago mundi* to *selfie*]. *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2016, no. 2 (51), pp. 6–16. (in Russ.).
- Golovnev A. V. [Ethnography in the Russian Academic Tradition]. *Etnografija* [Ethnography], 2018, no. 1, pp. 6–39. DOI: 10.31250/2618-8600-2018-1-6-39 (in Russ.).
- Golovnev A. V. [Visualizing Ethnicity: The Museum Projections]. *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2019, no. 4 (65), pp. 72–81. DOI: 10.30759/1728-9718-2019-4(65)-72-81 (in Russ.).
- Harper D. [Photo elicitation: origins, development, topics and forms]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 2013, no. 2, pp. 16–42. (in Russ.).
- Kagarov E. G. [Wedding of the dead persons among the Volga Germans]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1936, no. 1, pp. 106–108. (in Russ.).
- Kalendarnyye obychai i obryady v stranakh zarubezhnoy Evropy. Istoricheskiye korni i razvitiye oby chayev* [Calendar customs and ceremonies in the countries of foreign Europe. Historical roots and development of customs]. Moscow: Nauka Publ., 1983. (in Russ.).
- Kisser T. S. [Virtual Identity of Russian Germans]. *Sibirskiy istoricheskiy issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2019, no. 2, pp. 64–84. DOI: 10.17223/2312461X/24/4 (in Russ.).
- Krutkin V. L. [Family photos from anthropological point of view]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2005, vol. 8, no. 1, pp. 171–178. (in Russ.).
- Krutkin V. L. [Pierre Bourdieu: photography as means and index of social integration]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2006, no. 3, pp. 40–55. (in Russ.).
- Lishaev S. A. *Pomnit' fotografiyey* [Remember by photography]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2019. (in Russ.).
- Narsky I. V. *Fotokartochka na pamyat': Semeynyye istorii, fotograficheskiye poslaniya i sovetskoye detstvo (Avtobio-istorio-graficheskiy roman)* [Memorable photo: Family stories, photographic messages and Soviet childhood (Autobio-historical-graphic novel)]. Chelyabinsk: OOO "Entsyklopediya" Publ., 2008. (in Russ.).
- Petrovskaya E. V. [Photo(bio)graphy: to the problem statement]. *Auto-bio-grafiya. K voprosu o metode. Tetradi po analiticheskoy antropologii* [Auto-bio-graphy. On the question of the method. Analytical anthropology notebooks]. Moscow: Logos Publ., 2001, no. 1, pp. 296–304. (in Russ.).
- Smirnova T. B. *Etnografiya rossiyskikh nemtsev* [Ethnography of Russian Germans]. Moscow: RusDoych Media Publ., 2016. (in Russ.).
- Tolmacheva E. B. [Methods of study of photography with ethnographic content]. *Fotografiya. Izobrazheniye. Dokument* [Photograph. Image. Document], 2010, iss. 1 (1), pp. 38–42. (in Russ.).
- Yurgeneva A. L. [Ethnographic photography of the 19th century and its modern transformations]. *Khudozhestvennaya kul'tura* [Art & culture studies], 2018, no. 3 (25), pp. 136–167. (in Russ.).